

Пролог

Когда по весне в лесах объявляется медведь-шатун, — само собой, радости мало. А этот еще и показал себя сразу: от старого охотника, обходившего капканы, нашли одни ноги в онучах, да и от баб, собиравших целебные коренья, одни ошметки кровавые на сучьях остались. Тогда древлянские¹ мужички из селища Матери-Сосны обратились к волхвам, попросили их прислать своего кудесника, который мог говорить с духом шатуна. Волхвы прислали такого: он поворожил у священной сосны — покровительницы рода, и отправился в чащу на медведя. Больше его никто никогда не видел. А шатун как творил зло, так и продолжал творить его. Вот тогда все поняли — не обычный это зверь, а дух упыря² беспокойного, который и поднял раньше срока косолапого хозяина леса.

Посудили селяне, порядили и решили сами завалить зверя. Собрали из нескольких селищ бывалых охотников и стали готовиться. Рассказывали, что этот зверь ведет себя странно: рыка его никто не слышал, только следы видели на снегу. Да и следы-то непривычно огромные. Надо было идти на косолапого упыря облавой. Страшно-то страшно, а все равно от такой напасти только самим избавиться можно.

В утро, когда мужики собрались на облаву, бабы проводжали их плачем, как на верную смерть. Мужики цыкали на них, сердились. Когда пришел волхв благословлять на промысел, сосновичи слушали его заговоры, принимали обереги. Волхв совершил положенный обряд: обрызгал кровью черного петуха подножие священной сосны, потом что-то

---

¹ Древяне — славянское племя, жившее в лесах между Днепром и Припятью.

² Упирь — мертвец (умерший нехорошей смертью), выходящий ночью из могилы и сосущий кровь людей.

страшно выл у шеста со старым медвежьим черепом. Мужики перед уходом тщательно проверили снаряжение, помолились Роду¹ и тронулись в заснеженный притихший лес.

Никто и не заметил, когда к охотникам пристала Малфутка. Стрый² ее, местный охотник Беледа, только рукой махнул, увидев в цепи загонщиков маленькую фигурку братучадо³. Если не знать, то и не поймешь, что это девчонка: полушубок, как у паренька, лыком подвязан, большая ушастая шапка надвинута до бровей.

— Вот погоди, устроит нам мамка, когда возвратимся, — только и сказал Беледа маленькой родичке. А что он еще мог? Мужики уже далеко удалились от селищ, стучали колотушками, били по деревьям, завывали. Кто теперь позаботится о девчонке, кто рискнет вернуться в селение, когда, по всем охотничьим приметам, они уже вышли на след зверя?

Только старейшина Громодар недовольно скривился, узнав о Малфутке.

— Добра нам от этого не будет. А вернемся, я сам выпорю ослушницу.

Еще никто не знал, чем обернется эта облава, а Малфутка уже чувствовала. Боязно ей было, как никогда в жизни. Чужая, что рядом зверь — страшный, лютый, голодный. И хотя бывалые охотники, бодрясь, поговаривали, что не впервой им шатуна брать, все одно что-то неладно было в лесу. Снег под ногой проваливался, от голых деревьев в сером туманном сумраке веяло смертью, даже синицы не перекликались, вороны недобрые, и те замолкли. А где-то рядом было *оно* — не то зверь, не то оборотень кровавый.

Загонщики уже миновали старый ольшаник, где кончались владения их рода. Здесь следы косолапого были особенно отчетливыми. Обнаружили его свежий помет, шерсть на кустах. Опытные охотники сразу определили — огромный

¹ Род — божество-прародитель у древних славян. Покровитель людей, семьи и родоначальник жизни.

² Стрый — дядька по матери.

³ Братучадо — племянница.

зверище, матерый. Взять такого — большая удача и честь. Если это, конечно, и в самом деле зверь... А что бабы и волхвы болтают... Сейчас об этом не думалось. Шли полукругом, шумели, уже вроде бы должны были загнать медведя к топям, а он вдруг пропал.

— Зря волхва с собой не взяли, — вдруг сурово молвила Малфутка, дернув за кушак Беледу. — Зверь наш дух чувствует и замыслил свое.

Беледа слыл бывалым охотником, и сейчас им владел привычный азарт облавы. Не до советов сопливых было.

— Цыц, малявка!

И забил по натянутой на обод коже, закричал зычно. Малфутка, проваливаясь в тяжелый снег, пробиралась следом за Беледой.

Далекий крик они услышали одновременно. Замерли, дыша паром.

— Что?.. Что это было?

За деревьями застыли и остальные загонщики.

— А что? Не померещилось же?

Не померещилось. Теперь все слышали истошный, переходящий в визг крик.

Старейшина Громодар определил первым:

— Парфомша это кричит. А ну, к нему!

Как мог такой удалой и опытный охотник, как Парфомша, отстать от цепи, было неясно. Ведь велено же было держаться друг дружки, не отставать.

Они нашли его уже мертвым. Здоровенный мужик плавал в кровавом месиве из снега и собственной крови. Лицо нетронутое, а тело... Малфутка бросилась в кусты. Рвало ее тяжело. Хотя доводилось уже потрошенных зверем видеть, но такое...

Ей не дали опомниться, куда-то поволокли. Она слышала, что крик теперь летел с той стороны, откуда они только что пришли. И крик этот... Малфутка кинулась, опережая остальных. Беледа, дядька родненький, стрый любый, как же это...

Он висел на ветках дуба с позеленевшим перекошенным лицом. Стопы ноги у охотника не было, внизу все было за-

ляпано кровью. Но все же он спасся, зависнув на дереве. А вокруг снег был вспорот, запах зверя еще не сошел.

— Беледа!

Мужики бросились к нему. Охотник оглянулся, не размыкая сцепленных на сучьях рук.

— Назад! Спасайтесь! Здесь он, рядом!

Охотников было более дюжины. Чего же бояться? Но испугались. Стопились в центре небольшой ложбины, спина к спине, выставив рогатины и сулицы¹. Но все было тихо, поэтому, постояв немного, люди расслабились.

— Беледу снимите, — велел Громодар. Стащив лохматую шапку, вытер вспотевшее лысеющее темя.

Малфутка оказалась первой у дерева, на котором висел дядька, заплакала вдруг, даже не по-девчоночьи, а непозволительно по-бабьи. Ее оттолкнули охотники, потянувшиеся к изувеченному Беледе.

— Да руки отцепи, руки! Все уже, мы это... Домой тебя потащим.

Но Беледа вдруг, даже не закричав, а заскулив и дико округлив глаза, стал тянуться наверх. И тут же рядом появилось *это*.

Вроде обычный медведь: громадная рыжая зверюга, шерсть торчком, клыкастая зловонная пасть, алая от крови. Схватив первого попавшегося охотника, он начал кидать и подбрасывать его, точно куклу. Мужики сперва кинулись кто куда. Но быстро опомнились, опять сошлись кучкой, выставив оружие.

— Гей! Гей, гей! — пошли на зверя.

Тот бросил добычу, оглянулся. Морда лохматая, страшная, маленькие глазки, видящие, казалось, все. И вдруг медведь зашелся жутким, коротким с перерывами рыком. Зверь словно хохотал над охотниками.

Но мужики не отступили. Стояли плотно, с перекошенными лицами. Голос у всех сразу пропал. Загонщики лишь судорожно тыкали остриями в сторону зверя.

---

¹ Сулица — небольшое копье, дротик.

Шатун опять заревел, как засмеялся. И не встал на задние лапы, как обычно встает поднятый из берлоги потревоженный косолапый, а пошел по кругу, обходя охотников. Здоровый был! Мужики-древляне уж чего в своих лесах только не насмотрелись, а такого не видывали.

— Оборотень это! — вдруг завопил один из них и, будто ополоумев, бросил рогатину и кинулся прочь.

— Куды! Стой!

Зверь точно этого и ждал. Бросок — и медведь уже подмял под себя незадачливого сосновича. Тут бы охотникам и наскочить на зверя, всадить топоры и рогатины в лохматый загривок. А они только смотрели, словно это было наваждение.

Медведь расправился с добычей быстро. Рвать не стал, но заревел зло, торжествуя. Ни один зверь так себя не вел...

Отвлекло его какое-то шевеление в кустах. Он вмиг обернулся, даже не глянув на остолбеневших загонщиков. Теперь медведя привлекла поднывавшая из кустов маленькая фигурка.

— Малфутка! — крикнул кто-то.

Девочка, о которой охотники уже забыли, теперь стояла во весь рост, смотрела на медленно приближающегося зверя. Охотники будто опомнились, загалдели, стремясь отвлечь шатуна. Но тот даже не повернулся, двигаясь на Малфутку.

Отчего же он вдруг встал?

Позже многие рассказывали, что медведь как на стену какую-то наткнулся. Даже осел на задние лапы. И зарычал дико, взревел так, что деревья в стылом лесу содрогнулись. А потом замотал мордой, рванулся. Наконец-то поднялся во весь свой исполинский рост и пошел, пошел косолапо... Почти вплотную приблизился к девчонке, но неожиданно опрокинулся навзничь.

Тут и мужики наскочили — опускали топоры, тесаки, кололи, рубили, рогатинами давили...

В какой-то момент они поняли, что зверюга мертв. Стояли над ним, переводя дыхание, молчали.

Беледа наконец отпустил ветку, на которой висел, рухнул и застонал, но сразу пополз туда, где, словно столбик, продолжала недвижимо стоять Малфутка.